

ЕЛЕНА КАЗИМЯНЕЦ, ДАЛЯ ЭЙГИРДЕНЕ

Вильнюсский педагогический университет

К вопросу об имплицитном отрицании в языке и речи

Большая часть исследований о способах выражения отрицания в языке, посвящена анализу формальных средств выражения отрицания в языке, которые рассматриваются в плане их семантики и функционирования [Булах 1957; Кайкарите 1976; Казимянец 1986; Кривоносов 1982; Кочетков 1963; Rosinas 1984]. Некоторые исследования представляют собой попытку систематизации данных единиц языка с точки зрения их места в языке и значимости в коммуникативном процессе [Jespersen 1917; Огинскене 1986; Озерова 1978; Казимянец 1987].

В настоящее время возрос интерес к имплицитному содержанию высказывания. Е.И. Шендельс отмечает, что “особенность языковой коммуникации и вербализации человеческого мышления заключается в том, что не все содержание мысли находит воплощение в особых языковых элементах, а наряду с эксплицитными способами выражения существует глубокая, лингвистами до сих пор не познанная область имплицитной передачи информации” [1977, 109]. Целью данной работы является анализ скрытого — формально не выраженного — отрицания, проявляющегося на лексическом и синтаксическом уровнях, выявлении факторов, создающих имплицитное отрицание в предложении, и критериев, необходимых для наличия отрицания в слове.

Имплицитное отрицание в речи используется гораздо реже, чем формально выраженное. Любая речь в идеале подчиняется по крайней мере четырем общим принципам, стремясь к ясности, краткости и однозначности: во-первых, каждое законченное высказывание должно иметь определенное номинативное содержание, поскольку как адресату, так и адресанту должно быть ясно, о чем и что именно в нем сообщается (принцип осмысленности); во-вторых, каждое высказывание должно быть целенаправлено (принцип мотивированности); в-третьих, любое высказывание в том или ином отношении связано с ситуацией общения (принцип ситуативности); в-четвертых,

необходима смысловая связь данного высказывания, входящего в более крупную речевую единицу, с целым, а также другими высказываниями, входящими в это образование. По указанным причинам любая семантическая категория стремится воплотиться в конкретных формальных выразителях.

Рассмотрим в связи со сказанным следующий пример: ... *Что было добра, под старость все прожили, поить, кормить некому!*; *Куда деться с малыши ребятами?* (А.Н. Островский, *Свои люди — сочтемся*). В первом предложении отрицание выражено формальным образом — отрицательным местоимением *некому*. Значение предложения вполне ясно и однозначно. Второе же предложение, взятое изолированно, может быть истолковано двояко: либо это собственно вопрос и никакого отрицания в нем нет; либо это риторический вопрос, семантически эквивалентный конструкции с эксплицитным отрицанием: *некуда деться с малыши ребятами*. Но рассматриваемое предложение теряет свою двусмысленность в контексте и также выражает отрицание, как и первое, удовлетворяя, таким образом, всем четырем принципам.

Эксплицитное выражение какого-либо значения более конкретно и ясно для восприятия, поэтому конструкции с формально выраженным отрицанием не требуют обязательного переосмысления; меньшую роль для их уяснения играют такие факторы, как речевая ситуация, контекст, внелингвистический опыт участников коммуникации. ИмPLICITный же способ выражения отрицания, наоборот, требует учета всех этих факторов, и именно поэтому, с нашей точки зрения, он используется в языке крайне редко.

Рассматривая эксплицитность и имPLICITность как коррелирующие понятия, отметим, что эксплицитный способ выражения отрицания противостоит имPLICITному как открытый, явный, маркированный — скрытому, неявному, опосредствованному способу выражения отрицания. Сравним, например, следующие высказывания:

— *Как же, помогу!* (1)

— *Помоги мне, пожалуйста. — Нет, не помогу!* (2)

Как видим, отрицательный ответ с формально выраженным отрицанием (2) семантически эквивалентен отрицательному ответу, где отрицание передано без помощи формальных средств, как в (1). Значит, имPLICITное отрицание можно рассматривать как один из случаев несовпадения плана выражения (т.е. формы) и плана содержания (смысла), или точнее — функциональный сдвиг, и по этой причине оно представляется нам более сложным способом выражения отрицания в языке, чем эксплицитный.

В русском языке, как и в литовском, скрытое отрицание может быть выражено двумя способами: во-первых, оно иногда заключается в самой семантике отдельной формально положительной словоформы (например, 'отсутствие', 'лишенность', 'našlys', 'вдовец', 'arakielis', 'слепец, слепой' и под.) или же, во-вторых, может содержаться в пределах целой синтаксической конструкции: *Где ему быть капитаном!* ~ лит.: *Ar jam būti kapitoni?*; *Разве бывает снег летом?!* ~ лит.: *Ar vasarą sniega?*; *К чему бесплодно спорить с веком?* (А.С. Пушкин, *Евгений Онегин*). Во всех приведенных примерах для уяснения отрицательного смысла не требуется ни вставки дополнительных морфем, слов или форм, ни обязательной трансформации. Как правило, даже в случае имплицитного выражения отрицания в пределах синтаксической конструкции, в ней ничто не опущено и не сокращено, например:

рус.:

Антрыгина: *Я? Никогда! Что бы я когда-нибудь поверила мужчине! Да если он все клятвы произнесет, и тогда не поверю Я в монастырь пойду.*

Маша: *Что вы, сударыня! Как это можно!* (А.Н. Островский, *Свои собаки грызутся, чужая не приставай*).

перевод на литовский:

Antrigina: *Aš? Niekada! Kad aš kada nors patikėčiau vyrui ... Aš į vienuolyną eisiu.*

Maša: *Ką jūs, ponია! Ar gi taip galima!*

Скрытое отрицание, содержащееся в значении слова, и имплицитное отрицание, присутствующее в предложении, хотя и суть явления одного порядка, они по своей семантической природе значительно различаются. Так, если имплицитное отрицание в слове непосредственно заключено в его значении и присутствует в нем независимо от речевой ситуации, интонации и других условий, то в синтаксической структуре его значение обусловлено целым рядом как лингвистических, так и внелингвистических факторов.

Слов, способных передавать скрытое отрицание, вернее, содержащих отрицание в самой семантике, в русском языке относительно немного. В основном это слова, обозначающие некую лишенность, несуществование, необладание каким-либо признаком, либо несогласие, т.е. лексические единицы, содержащие значения типа 'опровергать', 'лишиться', 'слепой', 'мертвый', 'протестовать' и под. До сих пор не предложено каких-либо четких критериев, по которым мы бы могли определять наличие имплицитного отрицания в семантике слова. Так, например, А.Т. Кривоносов относит к имплицитному отрицанию антонимы с отрицанием: "Например, — пишет он, — один из

членов предложения, не имея при себе никакого отрицания, фактически содержит в себе некое отрицательное понятие и, следовательно, мыслится говорящим (пишущим) на фоне противочлена, т.е. антонима, но с отрицанием по типу 'ему было холодно' = 'ему было не жарко', 'он был голоден' = 'он не был сыт'" [1985, 62].

Признавая, что в определенном контексте можно говорить о наличии отрицания в данных примерах, нельзя, тем не менее, относить подобные антонимы к имплицитному отрицанию, поскольку в сочетании *ему было холодно*, с нашей точки зрения, не столь подчеркивается отрицание жары, сколько утверждается то, что данный субъект испытывает холод. В.Н. Бондаренко считает одним из наиболее распространенных лексических средств выражения имплицитного отрицания русские слова *нет* и *нельзя* [1983, 104–105], хотя данные предикативы правомерно рассматривать в качестве формальных средств выражения отрицания, так как само присутствие их в предложении указывает на его отрицательную семантику.

По нашему мнению, в качестве критериев наличия скрытого отрицания в слове можно выделить следующие:

- 1) семантика слова должна пересекаться со значениями, присущими языковой категории отрицания;
- 2) толкование рассматриваемого слова требует использования формальных средств выражения отрицания;
- 3) при переводе на другие языки или используются слова со значением 'лишаться', 'лишенный чего-либо' и под., или сочетания — 'перестать', 'прекратить' + инфинитив, т.е. лексические единицы, имплицитное содержание отрицания в которых не вызывает сомнения.

В качестве примера рассмотрим слова *слепой*, *отсутствие* и *утратить*. Слово *слепой* в общем означает 'необладание признаком зрячести', т.е. его значение удовлетворяет первому требованию; семантика слова *отсутствие* также удовлетворяет этому условию, содержа сему 'неналичие'; глагол *утратить* означает 'неимение в данный момент чего-то, что было раньше', т.е. его семантика также пересекается с кругом значений, объединяемых изучаемой категорией.

В толковом словаре находим следующее:

СЛЕПОЙ, -ая, -ое; слеп, слепа, слепо. 1. Лишенный зрения, способности видеть, незрячий ... 2. перен. Безрассудный, действующий или совершающийся без разумного основания ... 3. Неотчетливый, плохо различаемый /спец./ ... 4. Совершаемый вслепую, без видимых ориентиров, без участия зрения /спец./ ...;

ОТСУТСТВИЕ, -я, ср. Положение, когда нет в наличии кого-, чего-нибудь ...;

УТРАТИТЬ, -ачу, -атишь, -аченный; сов., кого-что. *Лишиться* кого-, чего-нибудь, потерять кого-, что-нибудь ... [Ожегов 1975] (полу-жирным шрифтом слова выделены нами — Е.К., Д.Э.).

Как видно, в толкованиях данных слов используются либо формальные средства выражения отрицания, либо слова 'лишиться', 'лишенный'. Следовательно, приведенные выше примеры не противоречат и второму необходимому условию.

В переводе данных слов на литовский язык появляются отрицательные приставки, а именно:

СЛЕПОЙ, -ая, -ое; слеп, слепа, слепо 1. *aklas, žabalas, spangas*; 2. *dkt. neregys, aklys, spangys, žabalis*; 3. *neiškus, neryškus, neiškaitomas* [Р-ЛС 2, 430];

ОТСУТСТВИЕ, -я, 1. *nebuvimas, išvykimas*; 2. *neturėjimas, trūkumas, stoka* [там же, 93];

УТРАТИТЬ, -ачу, -атишь, *netekti*; *nustoti*; *prarasti*; ~ уважение к кому-либо *nebegebtii* ко ... [там же, 548].

Таким образом, слова *слепой, отсутствие, утратить* отвечают всем необходимым условиям и являются примерами лексем, содержащих в своей семантике имплицитное отрицание. Скрытое отрицание также присутствует в значениях таких слов, как *голый, нагой, мертвый, (по-)терять, исчезать, холостой* и др.

Обычно в литературных переводах слова с имплицитным значением отрицания получают формальный показатель отрицания, например: *Их лиц за шляпками я не разглядел, но они одеты были по строгим правилам лучшего вкуса: ничего лишнего* (М.Ю. Лермонтов, *Герой нашего времени*.) ~ лит.: *Jų veidų po skrybėlaitėmis aš neįžvelgiau, tačiau jos buvo apsirengusios pagal griežtus geriausio skonio reikalavimus: nieko, kas nereikalinga.*

Доказательством того, что имплицитное отрицание, заключенное в семантике слова, — это явление того же порядка, что и формально выраженное посредством различных грамматических единиц, служит, как кажется, способность рассматриваемых слов участвовать в образовании двойного отрицания, т.е. конструкции, где столкновение двух отрицательных элементов создает положительный смысл, ср: *Князь Лыков не противоречил: это было напрасно* (А.С. Пушкин, *Арап Петра Великого*.) = 'он согласился, промолчал'; *Я не слепой* = 'я хорошо вижу' ~ лит.: *Aš ne aklas* = 'aš gerai matau' и т.д. По нашему мнению, способность слова участвовать в образовании словосочетаний с такого рода двойным отрицанием можно считать четвертым, дополнительным, критерием наличия имплицитного отрицания в слове.

Как видим, слова, содержащие в своем значении имплицитное отрицание, зачастую не воспринимаются как отрицание в языке и их отрицательная семантика может быть выявлена только путем специального анализа. Совершенно иная природа имплицитного отрицания на уровне предложения.

В отличие от имплицитного отрицания в слове как явления языка, предложения, содержащие скрытое отрицание, характерны для живой разговорной речи. Это подтверждено исследованием текстов художественной литературы, где отрицание в предложении, как правило, получает формальное выражение, а синтаксические структуры с имплицитным отрицанием встречаются в диалогах. Более того, в драматургических произведениях имплицитное отрицание на уровне предложения — явление не редкое. Отрицание, выраженное таким способом, всегда отличается высокой степенью экспрессивности и эмоциональности, воспринимаемое как полное и категоричное, оно вырастает как вторичное, косвенное значение из экспрессивно-эмоциональной окраски удивления, недоверия, раздражения и досады, например:

рус.:

(1) Мария Антоновна: *Ну, скажите же, какие (стихи) же вы мне напишете?*

Хлестаков: *Да к чему же говорить? Я и без того их мало знаю. (= 'не надо говорить, незачем говорить')*

(Н.В. Гоголь, *Ревизор*.)

(2) — *Он прекрасно поет, лучше меня.*

— *Куда ему до тебя!* (разг.) (= 'нет, ты не прав')

лит.:

Marija Antonovna: *Na, sakykite, kokias eiles man parašysite?*

Chlestakovas: *Ką čia besakysit! Aš ir taip jas toku.*

— *Jis puikiai dainuoja! Geriau už mane.*

— *Kur jam iki tavęs.*

Средствами выражения имплицитного отрицания на уровне целого предложения выступают следующие факторы.

1. Интонация, например:

рус.:

Кочкарев: *Ну полно: сыщу тебе другое зеркало.*

Подколесин: *Да, сыщешь. Знаю я эти другие зеркала (= 'не сыщешь, я тебе не верю'). Целым десятком кажется старше и рожжа выходит косяком.* (М.В. Гоголь, *Женитьба*.)

лит.:

Kočkariovas: *Liaukitės: tau kitą veidrodį.*

Podkolesinas: *Taip, surasi. Žinau aš tuos kitus veidrodžius ...*

Любовь Андреевна (испуганно): *Нет, не уходите, останьтесь голубчик. Прошу вас. Может быть, надумаем что-нибудь!*

Лопахин: *О чем тут думать!* (= 'не о чем тут думать') (А.П. Чехов, *Вишневый сад*).

Очевидно, если фразы *Да, сыщешь...* и *О чем тут думать* будут произнесены с обычной нейтральной интонацией, то они будут означать в данном контексте подтверждение, согласие с предыдущей репликой, либо просто вопрос.

По нашим наблюдениям, интонация со скрытым отрицанием характеризуется значительной продолжительностью звучания ударного слога в слове, отрицаемом по смыслу и восходящим тоном этого слога. Наблюдения показывают, что экспрессивно-ироническое отрицание может скрываться вообще за всяким по сути дела предложением, если оно произносится с соответствующей интонацией, ср:

Ихарев: *Ведь ты знаешь, что теперь должен весь долг твой заплатить мне.*

Глов: *Какой черт долг! Получишь ты долг!* (= 'никакого долга нет! Ты не получишь никакого долга') *Разве ты не чувствуешь, что в дураках и проведен, как пошлый пень?* (Н.В. Гоголь, *Изгроки*).

Очевидно, фраза *Получишь ты долг* без соответствующей интонации будет означать прямо противоположное тому, что она означает в данном контексте.

2. Порядок слов.

Предложения с имплицитным отрицанием имеют иной порядок слов сравнительно с коррелирующей утвердительной синтаксической структурой, причем встречаются синтаксические структуры с обязательными лексическими элементами, стоящими, как правило, в определенном месте в предложении. Так, например, скрытое отрицание могут выражать предложения типа *До шуток ли ему?*, в которых закреплены позиции предлога *до* и частицы *ли*. Возможности выражения имплицитного отрицания в предложении при помощи порядка слов с фиксированным положением каких-то обязательных членов необычайно широки и представляют собой специальный материал для исследования, тем более, что такие синтаксические структуры часто воспринимаются как синтаксической идиоматизм, например:

рус.:

Хочется тебе / охота тебе идти на рынок в дождь! (= 'не ходи на рынок, погода плохая') — *Тебе хочется на рынок* (= 'ты хочешь идти на рынок')

лит.:

Kuriam galui tau eiti per lietų i turgų? — *Tu nori eiti i turgų.*

3. Контекст в целом.

В случае выражения отрицания на уровне целого предложения определенная роль отводится контексту, ср.: *Такую, как моя собака, по всему свету поискать...* Лишь по контексту и составу всего предложения мы понимаем, что здесь имплицитно утверждается 'такой собаки *нет ни у кого* = такой собаки *не найти нигде*'. Особое значение для осмысления фразы с имплицитным отрицанием приобретает контекст в случае, если мы имеем дело с вопросительным предложением, например:

рус.:

(1) Кочкарев: *...Ну что она вздумала, дура? Ну куда же ей женить, ей ли женить? Вот я женю, так женю!* (Н.В. Гоголь, *Женитьба*.)

лит.:

Kočkariovas: *Nu ką ji sugalvojo, kvailė? Kur jai apvesdinti, ar jai apvesdinti? Aš tai apvesdinsiu, pamatysit!*

(2) Городничий: *Потом, если пожелаете посетить острог и городские тюрьмы — рассмотрите, как у нас содержится преступники.*

Gorodničius: *Vėliau, jei panorėsite aplankyti miesto kalėjimus — pamatysite, kaip mes prižiūrime nusikaltėlius.*

Хлестаков: *Да зачем же тюрьмы? Уж лучше мы посмотрим богоугодные заведения.* (Н.В. Гоголь, *Ревизор*.)

Chlestakovas: *Kam kalėjimai? Geriau aplankysim prieglaudas...*

Однако имплицитное отрицание редко бывает выражено только одним из перечисленных средств; чаще всего интонация, порядок слов и контекст выступают в комплексе, сообщая высказыванию отрицательный смысл, однако особая интонация, как правило, является непременным условием создания имплицитного отрицания в высказывании. И, безусловно, следует учитывать неязыковые факторы — речевую ситуацию в целом и вневелингвистический опыт участников коммуникации.

В разговорной речи имплицитное отрицание чаще используется в ответной реплике диалога с целью усиления эмоциональной выразительности высказывания. В этом случае возможны два варианта отрицательных ответов, содержание отрицания в которых совершенно различно: 1) отрицание информации, заключенной в предыдущей реплике, или несогласие с предыдущим высказыванием и, 2) отрицательная оценка высказываемого другими участниками коммуникации, ср.:

рус.:

(1) Саша: *Одна только любовь может вас обновить.*

лит.:

Saša: *Vien tik meilė gali jus pakeisti.*

Иванов: *Ну вот еще, Шуручка! Недостает, что я, старый мокрый пе-*

Ivanovas: *Na, ką jus, Šuročka! Betrūko tik man senam, nupešiotam gaidžiui*

тук, затянул новый роман! (= 'нет, Шурочка, любовь мне не поможет')
 (А.П. Чехов, *Иванов*.)

(2) Осип: *Уезжайте отсюда. Ей богу, уже пора.*

Хлестаков: *Вот вздор. Зачем?*
 (Н.В. Гоголь, *Ревизор*.)

(3) — *Дождь идет, самое время картошку убирать.*

— *Кто же в дождь картошку убирает!* (разг.)

pradėti naują romaną.

Osipas: *Išvažiuokite. Dėl dievo meilės, jau laikas.*

Chlestakovas: *Kvailystė. Kam?*

— *Lija, pats laikas nukasti bulves.*

— *Kas per lietų bulves kasa?*

Во втором случае для отрицательной оценки предыдущего высказывания часто используются слова с имплицитным содержанием отрицания: *вздор*, *чушь*, *чепуха* и под. В первом случае тоже возможно употребление слов, скрыто содержащих отрицание, обычно при отказе от какого-то предложения, например, *Отвяжитесь, господа!*, *Отстань, пожалуйста!*, *Брось спорить!*, *Шушь тебе!* и т.д.

В связи с вышеизложенным интересно проследить, как ведут себя слова, содержащие имплицитное отрицание в своем значении, при создании синтаксических структур со скрытым отрицанием в рамках разговорной речи. Сравним два примера: *Слепой попросил прохожего перевести его через дорогу* и *Ты куда идешь? Ты что, слепой?*

В первом случае слово *слепой* представляет собой характеристику человека по определенному признаку в рамках антонимической пары 'зрячий (видящий) — слепой (невидящий)'. Во втором же примере фраза *Ты что, слепой?* (построенная по типу *ты что, дурак?! = ты же не дурак*) с семантической точки зрения представляет собой утверждение 'ты же зрячий, смотри куда идешь'. Интуитивное осмысление этого слова на фоне противоположения 'слепой — зрячий' создает условия для использования слова *слепой* в данной синтаксической структуре. Фактически столкновение двух имплицитных отрицаний (семантического языкового и ситуативного) позволяет создать утверждение, по значению подобное конструкциям с двойным отрицанием при эксплицитном способе его выражения (см. выше).

В силу своей экспрессивности имплицитное отрицание в предложении всегда ярко и заметно, в то время как имплицитное отрицание в слове (семантическое отрицательное значение) зачастую не осознается как отрицание. И если в случае скрытого выражения определяющую роль для понимания содержания приобретает интонация, контекст в целом, порядок слов, экстралингвистические факторы, то им-

плицитное отрицание в слове напрямую связано с механизмом осмысления человеком объективной действительности в различных языковых формах.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондаренко В.Н., 1983: *Отрицание как логико-грамматическая категория*. Москва.
- Булах Н.А., 1957: К вопросу о выражении грамматической категории отрицания в индоевропейских языках, *Ученые записки Ярославского педагогического института*, вып. 30. Ярославль, 37–85.
- Казимьянец Е., 1987: Отрицание как категория грамматики и способы его выражения (на материале русского и литовского языков), *Kalbotyra*, 38(2). 72–81.
- Казимьянец Е., 1986: Функционирование НЕТ и НЕЛЬЗЯ в современном русском языке, *Русский язык в школе*, № 6. Вильнюс, 13–19.
- Кайкарите Н., 1976: Некоторые литовские и английские частицы в их отношении к отрицанию, in *Уровни языка и их анализ (на материале языков разнотипных систем)*. Москва, 36–49.
- Кочетков А.К., 1963: Выражение отрицания в современном русском языке, in *Вопросы синтаксиса и стилистики русского литературного языка: Труды III–IV конференции кафедр русского языка педагогических институтов Поволжья (1959–1960)*. Куйбышев, 98–115.
- Кривоносов А.Т., 1985: Языковые средства выражения логического отрицания, *Филологические науки*, № 1. 50–58.
- Кривоносов А.Т., 1982: О семантической природе модальных частиц (к постановке вопроса), *Филологические науки*, № 5. 50–58.
- Огинскене Э., 1986: *Выражение отрицания в простом повествовательном предложении современного литовского литературного языка: Диссертация ... кандидата филологических наук*. Вильнюс.
- Озерова Н.Г., 1978: *Средства выражения отрицания в русском и украинском языках*. Киев.
- Ожегов С.И., 1975: *Словарь русского языка*. Москва.
- Р-ЛС = *Русско-литовский словарь*, т. 1–2. Вильнюс, 1967.
- Шендельс Е.И., 1977: Имплицитность в грамматике, *Сборник научных трудов МГПИИЯ им. Мориса Тореза*, вып. 112. Москва, 109–120.
- Jespersen O., 1917: *Negation in English and other languages*, T. 1.1. Kobenhavn.
- Rosinas A., 1984: *Lietuvių bendrinės kalbos įvardžių semantinė struktūra*. Vilnius.